

Философия

Философские и культурологические исследования

DOI: 10.18721/JHSS.9206
УДК 159.954.5:101.2

ВООБРАЖЕНИЕ КАК ПОЗНАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТЬ КАК ИНИЦИИРОВАНИЕ ВООБРАЖЕНИЯ

А.А. Шадов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья направлена на раскрытие глубинной связи возможности и воображения. Актуальность темы статьи обусловлена недостаточным вниманием к их соотношенности. Основными подходами к исследованию данной проблемы служат возможностный метод М.Н. Эпштейна и метод воображения Г. Башляра, позволяющие рассмотреть ее комплексно. Возможность и воображение исследованы в их смысловой взаимосвязи. На основе анализа общих аспектов употребления автор статьи предложил собственные определения данных категорий в онтологическом и гносеологическом контекстах. Обосновывается идея о том, что возможность и воображение являются тесно связанными и взаимоопределяемыми понятиями. Рассмотрена концепция М.Н. Эпштейна, изложенная в книге «Философия возможного», в сопоставлении с онтологической трактовкой воображения в трудах Г. Башляра и экзистенциальным учением о свободе и творчестве Н.А. Бердяева. Материалы и выводы статьи могут быть использованы при разработке лекционных курсов по онтологии, методологии и теории познания, эпистемологии и философии науки, философской антропологии и философии культуры.

Ключевые слова: философия; возможное; вероятное; потенциальное; воображение

Ссылка при цитировании: Шадов А.А. Воображение как познание возможности и возможность как инициирование воображения // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 2. С. 64–70. DOI: 10.18721/JHSS.9206

IMAGINATION AS COGNITION OF POSSIBILITY AND POSSIBILITY AS INITIATION OF IMAGINATION

A.A. Shadov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

This study is topical because currently, insufficient attention has been paid to the contiguity of such important categories of philosophy as the possibility and the imagination. This paper is aimed at exploring the deep connection between these concepts. The main

approaches to studying this problem are Epstein's possibilistic method and Bachelard's imagination method, allowing to address this issue comprehensively. The article discusses the categories of possibility and imagination and gives their definitions. The article also analyzes the common features used and the possible points of intersection of these concepts. We have substantiated that possibility and imagination are closely related categories, and should be defined in conjunction with each other. This article primarily discusses Epstein's concept, described in his book "The Philosophy of the possible", and Bachelard's position. The materials and conclusions of the article can be used to develop lecture courses on ontology, methodology and theory of knowledge, epistemology and philosophy of science, philosophical anthropology and philosophy of culture.

Keywords: philosophy; possibly; probably; potential; imagination

Citation: A.A. Shadov, Imagination as cognition of possibility and possibility as initiation of imagination, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (2) (2018) 64–70. DOI: 10.18721/JHSS.9206

Введение

Возможность и воображение являются одними из важнейших тем философии. По мнению ряда известных философов, включая И. Канта, воображение служит фундаментальным основанием для мыслительной деятельности и познания в целом. Обе категории занимают важное место в своих сферах влияния: возможное — в мире и рассуждении о нем, а воображение — в искусстве и творчестве. В связи с этим актуальность данной статьи формируется благодаря разбору двух важных для человечества и философии категорий и недостаточному исследованию их взаимосвязи.

Сначала следует дать определение возможности. Как пишет М.Н. Эпштейн в своем фундаментальном труде «Философия возможного», возможное относится к тем категориям, которые часто входят в определения других категорий, но при этом сами с трудом поддаются определению [1, с. 30]. Здесь же он выявляет связь этой модальности со словосочетанием «может быть». Эпштейн подчеркивает соотношение модальности возможного со случайным, невозможным и необходимым. Случайным является то, что есть, но то, чего может и не быть [Там же. С. 31], невозможным — то, чего быть в принципе не может, а необходимым — то, чего просто не может не быть. Данное деление известно философии с самых ранних времен [См.: 2, с. 234]. Возможное — это то, что могло бы быть, но то, чего всё еще нет. Случайное — это раскрывшаяся возможность,

Надо отметить, что М.Н. Эпштейн указывает на смежность понятий возможности и свободы [1, с. 29]. В абсолютно детерминистическом мире любая свобода, как говорил Спиноза, есть осознанная необходимость. Проще говоря, в детерминистическом мире нет свободы, нет ничего возможного. Всё, что существует в нем, является необходимым. Необходимость — категория, противоположная свободе, а в полностью детерминистическом мире — противоречащая ей. Если нет возможности, то нет и свободы, поскольку человек тогда не может ничего выбирать. Всё выбрано за него объективными обстоятельствами.

Что касается воображения, то, в отличие от возможности, ему приписывают следующий ряд определений. Воображение — способность человека к спонтанному возникновению или преднамеренному построению в сознании образов, представлений, идей объектов, которые в опыте в целостном виде не воспринимались или не могут восприниматься посредством органов чувств.

В книге «Кант и проблема метафизики» (третьем ее разделе, названном «Обоснование метафизики в ее изначальности») М. Хайдеггер указывает на то, что способность воображения, понимаемая как способность созерцать без присутствия предмета, является средоточием онтологического познания, а также корнем двух других способностей: чувственности и рассудка [3, с. 134]. Для Канта, утверждал он, разум — это творческая измысливающая созидающая

сила [4, с. 506]. Во втором томе книги «Ницше», уже разбирая Р. Декарта, Хайдеггер затрагивает *cogitare*, включающее в себя познание, воление, воображение и ощущение [5, с. 136], что заставляет обратить внимание на связь познания, воображения и ощущения, но только здесь приоткрывается другой момент, который раскрывает связь воления и воображения. Ж.-П. Сартр считал, что воображение — это то же сознание и его структура интенциональна [6, с. 8].

Г. Башляр полагал, что воображение — это способность творить образы, выходящие за пределы реальности, но воспевающие реальность [7, с. 37]. Для него реальность создана для того, чтобы фиксировать человеческие грезы [8, с. 186]. Философ считал, что необходимо следовать за образами, которые рождаются в нас самих, живут в наших грезах, следовать за образами, заряженными избыточной и плотной онирической материей, дающей неисчерпаемую пищу материальному воображению [7, с. 40]. Человек для Башляра не существо мыслящее, но существо грезящее [9, с. 7]. Реальность и грезы перемешиваются в его творчестве. С одной стороны, воображение берет свое начало в реальности, но, с другой, строит ее.

В особом смысле определения обеих категорий сходятся по одному важнейшему признаку: воображаемое и возможное относятся к тому, что на данный момент не воспринимается чувственно и, как следствие, не является реальным для воспринимающего. Чем дальше люди уходят от реальности, тем фундаментальнее и существеннее они применяют свое воображение.

Иной трактовки воображения придерживаются сторонники аналитической философии. С.В. Никоненко, как представитель данной традиции, в книге «Реальность, символы и анализ» выразил мнение философов-аналитиков по проблеме воображения. Он утверждает, что воображение возможно и значимо только там, где оно не противоречит реальности, где оно расширяет и углубляет ее, превращая в часть мира [10, с. 244]. Никоненко называет любое воображение, выходящее за границы реальности, произволом и мифотворчеством. Воображение в данном случае ограничивается реальностью и само устанавливает себе границы. Для аналитических философов мифотворчество не является важной частью воображения. Всё, что связано

с мифом, аналитический мыслитель пытается отрезать «бритвой Оккама». Именно поэтому любая попытка выйти за пределы реальности с помощью воображения рассматривается аналитическими философами как несерьезная игра. В рамках подобного подхода вне поля зрения остается такая онтологическая проблема, как возникновение нового, а также условия возможности творчества. Как гносеологическое следствие такой установки, воображение ставится в подчиненное отношение к рациональному мышлению.

Однако существует и альтернативная точка зрения на данную проблему. В частности, в работах А.Ф. Лосева, М. Элиаде, К. Хюбнера, Ю.М. Романенко отстаивается существенный онтологический характер мифа. По их мнению, миф, в сущности, есть такое воображение, которое выходит за грани реальности, обозначенные аналитическими философами. В данной трактовке миф не является просто сказкой. Он всегда содержит в себе нечто большее, чем просто выдуманную историю. По словам Ю.М. Романенко, «миф работает с живыми саморазвивающимися образами, выраженными в символах или метафорах, для <...> приведения хаотического мышления к упорядоченному»¹. Или, как утверждал А.Ф. Лосев, миф — «наиболее яркая и подлинная действительность, совершенно необходимая категория мысли и жизни» [11, с. 36]. Иначе говоря, с этой точки зрения воображение даже в своей мифотворческой функции не следует ограничивать только реальным, понятным в узко эмпирическом смысле.

Интересную интерпретацию воображению в этом ключе дает известный советский мыслитель Э.В. Ильенков. Для него воображение выступает в том числе в роли чувственного восприятия. Зрения, по его мнению, недостаточно, чтобы видеть то, что лежит перед глазами. Воображение как раз и преобразует увиденное глазами в образ внешней вещи [12, с. 33–34].

Обобщая всё вышесказанное, хочется отметить, что аналитической трактовки воображения недостаточно для его онтологического фундирования. Аналитические философы признают лишь репродуктивное воображение, сильно ограничивая воображение продуктив-

¹ Романенко Ю.М. *Онтология мифа: учеб. пособие*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 10.

ное (творческое). Можно согласиться с критикой С.В. Никоненко пустого воображения. Однако следует также учитывать идею Г. Башляра о том, что воображение необходимо исследовать средствами самого воображения. Анализ чистого воображения не может быть проведен без учета его саморефлексии. В противном случае это было бы подобно анализу зрения слепым человеком или анализу слуха глухим.

Согласно приведенному выше мнению Г. Башляра, воображение тем больше использует все свои резервы, чем дальше оно уходит от реальности. При этом можно не согласиться с трактовкой Э.В. Ильенкова, отказав воображению в его воспринимающей функции. Если воображение не выполняет воспринимающей функции, то его основная задача — создавать новые образы или воссоздавать старые. Однако за воссоздание старых образов отвечает в том числе память. Чистое воображение, проявляющее себя во всей своей полноте и несомненности, возможно обнаружить только в акте создания новых образов. И чем меньше они связаны с реальностью, тем чище и сильнее себя проявляет воображение.

Именно это наиболее чистое и автономное от реальности воображение и является сопряженным с категорией возможного. Реальное, или, в аристотелевской терминологии, актуальное, всегда было противоположностью возможного. Как было показано ранее, чистое воображение тоже входит в конфронтацию с реальностью. И, очевидно, возможное и воображаемое оказываются по отношению к реальности в очень похожей позиции. Однако трудно назвать их отношение к реальности абсолютно идентичным, поскольку воображаемое всегда в некотором роде актуально как воображаемое. Воображаемое воображается реально, а не в возможности. То, что было бы нафантазировано нами в возможности, не стало бы нашей актуальной фантазией. Но если люди воображают миры, которые по отношению к нашему миру являются возможными, то, конечно же, они пользуются воображением. Как видно, категории воображения и возможности хитро переплетены друг с другом, в чем-то друг друга исключая, но в чем-то полностью совпадая. По данному вопросу М.Н. Эпштейн утверждает, что воображение обращено к сфере возможного [1, с. 124], что звучит крайне правдоподобно ввиду того, что было рассмотрено выше.

Возвращаясь к связи свободы и воображения, следует вспомнить известного русского мыслителя Н.А. Бердяева. Как было доказано выше, возможность и свобода — родственные категории. Существование возможностей онтологически определяет существование свободы. Но как к свободе относится категория воображения? Бердяев считал, что свобода дана каждому существу, сотворенному по образу и подобию Божьему [13, с. 138]. Рассуждения о свободе веры и свободе выбора проходят красной нитью по его произведениям. Для него свобода — это стихия философии [Там же. С. 268], цель познания [Там же. С. 275] и сопротивление необходимости. Но есть еще одна тема, без которой нельзя представить себе философию Бердяева, — тема творчества. Понятия творчества и свободы сливаются в его мысли. Н.А. Бердяева пишет: «В философии самое истинное, наиболее творчески прорывающееся через необходимость к свободе, через бессмыслицу к смыслу, — быть может, наименее доказанное» [Там же. С. 285]. В данном утверждении сходятся понятия свободы и творчества. Для Бердяева свобода определяется через творчество, а творчество — через свободу. «Где Дух, там и свобода, там и творчество», — пишет он [Там же. С. 329]. Нередко философ употребляет выражение «творческая свобода» [Там же. С. 330]. Сложно усомниться в том, что для него свобода и творчество — это тесно переплетенные понятия.

Если же рассматривать соотношение свободы и творчества вне христианского учения, то с Н.А. Бердяевым довольно трудно не согласиться. Творчество как таковое может существовать только с помощью человека свободного. Творчество — это, по определению, создание чего-то качественно нового. Люди же, погрязшие в необходимости, не могут быть творцами в прямом смысле. Они могут воспроизводить разного рода симулякры, как рабочие на фабричном конвейере, но создать оригинальное произведение не могут, потому что они ограничены необходимостью. Только свободному человеку доступно творчество, и только творческий человек находит путь к свободе. Творческие люди опознают друг друга по стремлению к свободе.

Постановка проблемы и цели исследования

Соотношение воображения и возможности не было в достаточной мере прояснено. В свою

очередь, напрямую с категорией возможности связано понятие свободы. Необходимо установить связь между свободой и воображением, а также между творчеством и возможностью. Наблюдается ли между этими понятиями некая корреляция? Цель исследования — раскрыть глубинную связь возможности и воображения.

Методология

В исследовании применен компаративистский подход. Философская компаративистика использует методы: сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, аналогии, синтетический, системный и др.

Результаты исследования

В чем заключается связь свободы и воображения? С одной стороны, очевидно, что творчество напрямую связано с воображением. Нет среди человеческих способностей ни одной, которая превосходила бы воображение в эвристичности, когда речь идет о творчестве. Связь понятий свободы и воображения проблематизируется реже, чем другие категориальные отношения, так же как и связь понятий свободы и возможности. Свобода дает людям шанс обнаружить возможность, выбирать, а возможность служит гарантом свободы. Как можно заметить, по отношению к свободе воображение в аспекте творчества играет похожую роль. Свобода позволяет людям воображать то, чего не существует, творить, а воображение служит гарантом свободы личности. Тот, кто не может придумать ничего нового, свободен лишь формально, в действительности же он подчинен некоей необходимости уже придуманного до него.

Рассматривая связь творчества и возможности, хочется отметить, что они тесно переплетаются друг с другом. Творчество, в том числе мифотворчество, позволяет творцам изображать нечто возможное. Как только возможное будет изображено, оно станет актуальным произведением, но всё равно еще не будет актуальным по отношению к реальности. Например, то, что написано в книге, скорее всего, никогда не имело места в реальности, но сама книга реальна. То же и с воображением. Воображение может создать возможную фантазию. Сама фантазия будет актуальна, а вот положение в мире не будет актуально соответствовать этой фантазии.

Всегда ли творчество создает что-то возможное? Возможны ли чудовища и герои из древних мифов? Возможна ли реализация тех или иных произведений искусств? На эти вопросы стоит дать скорее положительные, чем отрицательные ответы, поскольку у возможности есть свои уровни, связанные со временем. Например, крайне мала вероятность того, что через секунду на землю упадет метеорит, но крайне велика вероятность того, что на землю когда-нибудь упадет метеорит. Если ограничить свои творческие способности секундами, минутами, часами, неделями или годами, то, конечно, возможно будет немного, но если люди попытаются распространить свой поиск возможного на миллиарды лет, если они предположат, что наша вселенная не единственная, а физические настройки ее не абсолютны, то можно будет сказать, что любая фантазия открывает дверь к некоей возможности, а любой миф, если он не был реальным в нашем мире, мог бы быть реальным в другом. Не напрасно Парменид говорил, что мыслить и быть — одно и то же. Мыслимое, а в данном случае воображаемое, практически в любой ситуации могло бы быть.

Из предыдущего абзаца можно сделать вывод о том, что творчество имеет дело с возможным. Возможность и воображение для человеческого существа предстают в одном аспекте. Человек не может предсказывать возможное, не обращаясь к воображению, и он не может несомненно и чисто воображать, не обращаясь к возможности. Для человека категории возможности и воображения — это категориальное двуединство. Конечно, если исходить из определений, люди не могут вообразить всё, что возможно. Возможность намного шире человеческой способности к воображению. Воображение, получается, — это актуализирующаяся в представлении возможность. Воображение — это возможность, находящаяся на грани с реальностью. Она актуальна во внутреннем мире людей, но потенциальна во внешнем.

М.Н. Эпштейн писал, что воображение — это особый орган для восприятия возможности [1, с. 152]. В принципе, можно рассматривать взаимоотношения этих категорий и с этой стороны. Однако трудно согласиться с тем, что воображение является неким органом, оно скорее является некоторым интеллектуальным чувст-

вом, дающим нам представление о том, что могло бы быть. Не так важно, когда. Важно, что нечто воображаемое могло бы существовать в одной из эпох или в одном из возможных миров, если мир, конечно же, не один-единственный, и он не детерминистичен. Если же возможностей не существует, а мир полностью детерминирован, то не существует свободы. Творчество же в таком мире будет закономерной и заранее определенной тенденцией, а потому в нем будет не так много нового. Воображение без свободы и творчества окажется лишь заведомо заданным представлением тех образов, которые заранее были предначертаны. В этом смысле само существование воображения как категории может быть подвергнуто сомнению, ведь нет смысла отводить место в сознании человека такой громоздкой способности, как воображение, если оно занимается только тем, что тенденциозно продуцирует заранее определенные образы.

Заключение

Подводя итог, следует сказать, что связь категории возможности и способности воображения выявляется в контексте категориального отношения между реальным и актуальным, а также свободой и творчеством. По отношению ко всем вышеупомянутым понятиям возможность и воображение занимают схожую позицию благодаря тому, что в рамках экзистенции каждого отдельно взятого человеческого существа воображение есть единственный способ восприятия возможностей, будь то возможности теоретические или онтологические. Взаимодействовать с миром возможностей человек

может только через воображение, а потому воображение может считаться синонимом возможности, как минимум в представлении каждого отдельно взятого человека, ведь никто не может себе позволить познать больше возможностей, чем это позволяет его воображение. Однако, с одной стороны, возможности не ограничены воображением как одного человека, так и всего человечества, а с другой стороны, воображение может представлять и невозможные в реальности вещи, но мы всё равно можем видеть в них вполне возможные смыслы.

Результат категориального анализа рассмотренных выше понятий и смысловые связи между ними в краткой форме можно представить следующим образом. Если модальная категория случайности соответствует чувственному восприятию отдельной вещи, а категория необходимости — мышлению общих закономерностей действительности, то модальность возможности связана с деятельностью творческого воображения. Иначе говоря, возможность относится к случайности и необходимости так же, как воображение относится к чувственности и мышлению. Возможность является переходом от случайности к необходимости и наоборот, как и воображение является посредствующим звеном между чувствами и мыслью. В этом заключается онтологическая и одновременно гносеологическая характеристика способности воображения [14]. В контексте данного подхода открывается перспектива прояснения таких существенных онтологических свойств воображения, как спонтанность и стихийность [12, с. 134].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
3. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997.
4. Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. Т. 1. М.: Владимир Даль, 2006.
5. Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. Т. 2. М.: Владимир Даль, 2007.
6. Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001.
7. Башляр Г. Вода и грезы. М.: Изд-во гуманитарной лит., 1998.
8. Башляр Г. Земля и грезы воли. М.: Изд-во гуманитарной лит., 2000.
9. Башляр Г. Грезы о воздухе. М.: Изд-во гуманитарной лит., 1999.
10. Никоненко С.В. Реальность, символы и анализ. СПб.: Изд-во РХГА, 2012.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
12. Ильенков Э.В. О воображении. М.: Нар. образование, 1986.
13. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда 1989.
14. Романенко Ю.М. Онтологический подход к воображению, или Воображаемый подход к онтологии // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6. Философия. 2003. № 4. С. 19–24.

Шадов Александр Александрович

E-mail: alexshadow91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.06.2017 г.

REFERENCES

- [1] **M.N. Epstein**, *Filosofiya vozmozhnogo* [Philosophy of the possible], Aleteyya, St. Petersburg, 2001.
- [2] **Aristotel**, *Complete works*, in 4 vol., of vol. 1, Mysl', Moscow, 1976.
- [3] **M. Heidegger**, *Kant i problema metafiziki* [Kant and problem of metaphysics], Logos, Moscow, 1997.
- [4] **M. Heidegger**, *Nitsche* [Nietzsche], in 2 vol., of vol. 1, Vladimir Dal', Moscow, 2006.
- [5] **M. Heidegger**, *Nitsche* [Nietzsche], in 2 vol., of vol. 2, Vladimir Dal', Moscow, 2007.
- [6] **J.P. Sartre**, *Voobrazhayemoye. Fenomenologicheskaya psikhologiya voobrazheniya* [Imagination. Phenomenology psychology of Imagination], Nauka, St. Petersburg, 2001.
- [7] **G. Bachelard**, *Voda i grezy* [Water and Dreams], Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, Moscow, 1998.
- [8] **G. Bachelard**, *Zemlya i grezy voli* [Earth and the dreams of will], Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, Moscow, 2000.
- [9] **G. Bachelard**, *Grezy o vozdukhe* [Dreams about the air], Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, Moscow, 1999.
- [10] **S.V. Nikonenko**, *Real'nost', simvoly i analiz* [Reality, symbols and analysis], RKhGA Publ., St. Petersburg, 2012.
- [11] **A.F. Losev**, *Dialektika mifa* [Dialectic of myth], Mysl', Moscow, 2001.
- [12] **E.V. Ilyenkov**, *O voobrazhenii* [About the imagination], Narodnoye obrazovaniye, Moscow, 1986.
- [13] **N.A. Berdyayev**, *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. Sense of creativity], Pravda, Moscow, 1989.
- [14] **Yu.M. Romanenko**, [Ontological approach to the imagination and An imaginative approach to ontology], *Vestnik St. Peterburgskogo univ.*, ser. 6, 4 (2003) 19–24.

Shadov Aleksandr A.

E-mail: alexshadow91@mail.ru

Received 05.06.2017.